

✦ Классическое наследие

ГЕРБЕРТ СПЕНСЕР*

ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ. ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ЦЕРКОВНЫЕ ИНСТИТУТЫ**

Аннотация: В публикуемом фрагменте рассматриваются неконформизм и религиозные расколы, моральные функции жречества и перспективы дальнейшего развития религиозных институтов.

Abstract: In this part of the text the author considers nonconformity and religious dissents, moral functions of priesthoods, and prospects of future development of Ecclesiastical institutions.

Ключевые слова: религиозные институты, жречество, структурная и функциональная дифференциация, религиозный неконформизм, секты, социальная эволюция.

Keywords: religious institutions, priesthood, structural and functional differentiation, religious Nonconformity, sects, social evolution.

Глава XIII. Неконформизм

§ 642. В простых по типу обществах невозможно обнаружить ничего похожего на то, что мы сегодня называем неконформизмом. Лишенный знаний и умственных склонностей, которые зарождают критику и скептицизм, дикарь пассивно принимает все, что утверждают старшие. Обычай в форме утвердившейся веры, равно как и в форме утвердившегося обыкновения, для него сакрален: отход от него — дело неслыханное. На всем протяжении ранних стадий социальной эволюции сохраняется верность унаследованным религиям. Правда, на протяжении этих стадий сосуществуют бок о бок многочисленные культы; но коль скоро они продукты преобладающего поклонения предкам, то складывающийся в итоге политеизм не демонстрирует нам того, что мы ныне понимаем под неконформизмом, ведь поклоняющиеся в разных храмах не отрицают богов друг друга и не ставят открыто под сомнение касающиеся их текущие идеи. Только в случаях вроде Сократа, провозгласившего представление о сверхъестественных существах, очень отклоняющееся от массового представления о них, мы видим в ранних обществах неконформизм в подлинном смысле слова.

---

* Перевод статьи публикуется в редакции переводчика.

** *Продолжение.* Начало в предыдущих выпусках. Перевод сделан по изданию: *Spencer H. The Principles of Sociology.* Vol. III. N.Y.: D. Appleton and Company, 1900. P. VII, 3-175.

То, с чем нам приходится здесь иметь дело под этим наименованием, встречается главным образом в обществах, которые являются по сути монотеистическими, даже если не называются таковыми, и в которых хотя бы номинально, если не реально, существует вполне единообразное вероисповедание, руководимое консолидированной иерархией.

Даже при таком ограничении неконформизм охватывает явления, очень непохожие по своей природе; и чтобы понять его, нам нужно исключить многое из того, что с ним связано лишь внешне-формальным или случайным образом. Хотя в большинстве случаев обособляющаяся секта придерживается несанкционированной версии принятого исповедания и хотя природа принятой ею версии порой не лишена своей значимости, следует отметить установку, принимаемую ею по отношению к церковному правительству. Хотя элемент индивидуального суждения существует всегда, на ранних стадиях он проявляется просто в выборе какого-то одного авторитета как высшего по отношению к другому. Лишь на поздних стадиях появляется выражение индивидуального суждения, доходящее до отрицания церковного авторитета вообще.

Рост этой позднейшей установки мы и увидим, сравнив некоторые из последовательных стадий.

§ 643. Древние формы инакомыслия обычно отстаивают авторитет прошлого в противовес настоящему; а поскольку традиция обычно приносит из более варварских эпох предания о более варварских способах умилоствления, то древние формы сектантства, как правило, оказываются возрождениями практик более аскетических, чем принятые в текущей религии. В § 620 было показано, что именно так возникло примитивное монашество; а так как христианство соединяло более высокие моральные предписания, которые оно отстаивало, с отказом от обыденной жизни и ее целей (говорят, оно почерпнуло это у ессеев), то с тех пор происходило постоянное возрождение раскольнических сект, характеризуемых общим аскетическим самоограничением.

Во времена, когда ранняя церковь распространялась и организовывалась, возникли виды раскола, отличающиеся как от этих, так и от современных их видов. Ведь до того, как установилось и приобрело священность церковное правительство, сопротивление каждому новому посягательству, исходившему от него, естественно вело к разделению. Между временем, когда авторитет пребывал в самих христианских конгрегациях, и временем, когда авторитет оказался сосредоточен в фигуре папы, имели место последовательные узурпации власти, и каждая из них создавала повод для протеста. Отсюда такие секты, возникшие в период с III по VII в., как ноетиане, новациане, мелетиане, аэриане, донатисты, иоанниты, хеситанты, тимофеане и афингане.

Переходя к периоду, на протяжении которого эта церковная власть во всей Европе восходила к пику своего могущества, мы находим в XII в. раскольников более развитых типов, которые, при наличии разницы в доктрине или при ее отсутствии, восставали против существовавшего тогда церковного правления. Примерами служат такие секты, как арнольдисты в Италии, петробрусиане, капуциаты и вальденсы во Франции, а позднее штедингеры в Германии и апостольская церковь в Италии; каждая из них характеризуется утверждением индивидуальной свободы как в суждениях, так и в поступках. Придерживаясь обычно доктрин, называемых еретическими, пропаганда которых сама по себе была негласным отрицанием церковной

власти (хотя отрицанием, основанным обычно на подчинении предполагаемой высшей власти), секты такого рода в XIV и XV вв. все более множилось в числе. В Англии были лолларды, в Италии – фратичелли, в Богемии – табориты, богемские братья, моравские братья и гуситы; все они противопоставляли себя церковной дисциплине. А затем мятежное движение реформации, руководимое в Германии лютеранами, в Швейцарии цвинглианцами и кальвинистами, во Франции гугенотами, а в Англии анабаптистами и пресвитерианами, показало наряду с отвержением различных принятых доктрин, церемоний и обычаев явно выраженную борьбу против священничества. Выделяя такое общее их свойство, как противостояние епископству, протестантскому или католическому, мы видим в правлении пресвитеров, принятом многими этими раскольническими сектами, прежде всего шаг к свободе суждения и практики в религиозных вопросах, сопровождаемый отрицанием божественной власти духовенства. А затем, в последующем появлении конгрегационалистов, принявших в качестве своего отличительного принципа право каждой конгрегации на самоуправление, мы видим дальнейший шаг в движении против духовенства, и своего пика это движение достигло в следующем столетии у квакеров, которые, обратившись напрямую к первоисточнику веры и проводя более последовательно, чем это было обычно, провозглашенное право на частное суждение, отвергли все атрибуты церковности.

По правде говоря, истории всевозможных нонконформистских сект, не исключая даже «Общество друзей», демонстрируют нам повторное рождение принуждения, родственного тому, против которого они восстали. Для религиозных революций, как и для политических, характерно, что при отсутствии разницы характеров и культуры, превосходящей ту, которую можно ожидать найти в одном обществе в одно и то же время, после них постепенно устанавливаются формы правления, лишь немногим лучшие, чем те, от которых они пытались уйти. В своем полагании непогрешимости и в своих мерах по насаждению конформности Кальвин был папой, которого можно сравнить с любым из тех, кто издавал буллы в Ватикане. Дисциплина шотландских пресвитериан была столь же деспотична, сурова и безжалостна, как и любая, которую навязывал католицизм. Пуритане Новой Англии были столь же непоколебимы в своих догмах и суровы в своих преследованиях, как и священники той церкви, которую они оставили за спиной. Некоторые из этих раскольнических сект, в частности последователи Уэсли, даже развили организации, ничуть не менее священнические и в ряде отношений даже более принудительные, чем организация той церкви, которую они покинули. Даже у квакеров, невзирая на провозглашенную в их теории индивидуальность, сформировались жестко определенное вероисповедание и орган, осуществляющий контроль.

§ 644. Современный нонконформизм в Англии гораздо решительнее продемонстрировал существенную особенность борьбы с духовенством.

В Англии существует великое множество сект, за которое зарубежные наблюдатели ее попрекают, но которое, если взглянуть на дело философски, есть одна из черт, возвышающих ее над другими. Ибо зарождение каждой новой секты, предполагающее подтверждение права на частное суждение, есть побочный результат той природы, которая делает возможными свободные институты.

Еще более значимым мы увидим это умножение сект, если рассмотрим причины, приписываемые их отделению. Взять, например, сторонников Уэсли. В 1797 г.

Методистская новая церковь организовывалась по принципу непрофессионального участия в управлении церковью. В 1810 г. эту исходную организацию покинули первометодисты: причиной было желание иметь «непрофессиональных представителей на Конференции». В 1834 г., опять же в результате противостояния могуществу священнослужителей, сформировалась Уэслианская методистская ассоциация: ее члены требовали большего влияния для непрофессионалов и сопротивлялись вмешательству центра в локальное управление. Затем, в 1849 г., произошло еще одно отсечение раскольников от методистского тела, тоже характеризующееся сопротивлением власти священников.

Разумеется, в сектах, управляемых менее принудительно, было меньше поводов для мятежей против священнического контроля; однако нет недостатка в иллюстрациях — часть которых предоставляют даже небольшие по размеру и свободные группы унитариев, — показывающих эту тенденцию к расколу в ходе отстаивания права на частное суждение. Более того, в отсутствие инакомыслия достаточно большого, чтобы вызвать раскол, всюду имеется много выраженных разногласий по незначительным вопросам между теми, кто придерживается предположительно одной и той же совокупности верований. Пожалуй, самый любопытный пример этого дает традиционная церковь. Я имею в виду не просто ее разделение на высокую, низкую и широкую (см. прим. 1); все это предполагало наличие внутри нее большей или меньшей степени неконформистского духа. В особенности я имею в виду ту странную аномалию, что ритуалисты — люди, которые, утверждая священническую власть, сами являются мятежниками против власти духовенства; они бросают вызов своим церковным начальникам в своей решимости утвердить приоритет церкви.

Между тем повсеместно допускаемое требование религиозной свободы демонстрируется еще больше растущим движением за отделение церкви от государства. Это движение, которое, помимо молчаливого отрицания всякого авторитета священников, отрицает также право правительства, пусть даже избранного большинством голосов, предписывать религиозную веру или практику, есть логическое следствие протестантской теории. Свобода мышления, долгое время утверждаемая и все более и более выражаемая, того гляди достигнет такой степени, когда ни один человек не будет принуждаться к поддержке верований другого человека.

Очевидно, что приход к этому состоянию завершает ту социальную дифференциацию, которая началась, когда примитивный вождь впервые делегировал свою жреческую функцию.

§ 645. Затяжной конфликт между церковью и государством, сопровождавший их дифференциацию друг от друга и завершающийся подчинением церкви, усугубил побочные небольшие конфликты между церковью и непокорными группами ее членов, которые увенчивались их отделением от нее.

Есть еще одно следствие. Как и подчинение церкви государству, распространение неконформизма является косвенным результатом растущего индустриализма. Моральная природа социальной организации, основанной на договоре, а не на *статусе*, — моральная природа, взращиваемая социальной жизнью, протекающей в условиях добровольной кооперации, а не кооперации принудительной, — такова, что развивает религиозную независимость по мере того, как развивает политическую свободу. И этот вывод, *a priori* очевидный, *a posteriori* подтверждается бесчисленным множеством способов. Мы видим, что неконформизм, вырастая по мере развития

индустриализма, в наибольшей степени характеризует ныне те самые нации, которые в наибольшей степени характеризуются развитием промышленного типа: Америку и Англию. И мы видим, что в самой Англии контраст между городским и сельским населением, как и между населением разных частей королевства, показывает, что там, где преобладает промышленный тип жизни и организации, оказывается наиболее выраженным и нонконформизм.

Глава XIV. Моральные влияния жрецов

§ 646. Как уже говорилось при обсуждении «Военных функций жрецов», в большинстве умов существует ошибочная ассоциация между религиозными богослужениями и нравственными учениями. Хотя обычно жрецы принуждают к поведению, так или иначе способствующему сохранению общества, все же эта благая цель часто поддерживается поведением, совсем не похожим на то, которое мы ныне называем нравственным, что влияние жрецов во многих случаях скорее принижает человека, нежели его возвышает.

Читая о таитянском боге Оро, что, когда война «приобретала наиболее кровавые свои формы, предполагалось, что это доставляет ему наибольшее удовлетворение»; или, опять-таки, о мексиканском царе Монтесуме, что он избегал покорения живших по соседству тласкаланцев, «дабы у него были Люди для жертвоприношений» (превращая тем самым Тласкала в источник жертв для богов); читая о чибча, что «жертвоприношениями, которые они считали наиболее приятными для их богов, были те, на которых приносили в жертву человеческую кровь», — мы получаем напоминание о том, что жрецы, занятые умилоствлением каннибальских божеств или божеств, отвратительных чем-то другим (а таковым почти везде поклонялись в древности), занимались чем угодно, но только не воспитанием высоких форм поведения. Грабежи и убийства имели, а в некоторых местах до сих пор еще имеют, освящающую религиозную санкцию. Бертон говорит о белуджах: «Эти набожные воры никогда не грабят иначе, кроме как во имя Аллаха». О племени грабителей у чибча Пьдрахита пишет: «Самой подходящей они считают жертву, приносимую ими из награбленного имущества некоторым сделанным из золота, глины и дерева идолам, коих они почитают». А в Индии в настоящее время мы имеем разбойников вроде домров, у коих «успешная кража всегда отмечается жертвоприношением» их главному богу Гандаку. Различные культы — а следовательно, и их жрецы — способствовали деморализации людей, вместо нравственного их улучшения, не только поощрением неуважения к жизни и собственности. Когда мы выясняем, что «у обитателей островов Дружбы главный жрец считался слишком святым, чтобы жениться, но имел право брать столько наложниц, сколько захочется»; что у карибов «невеста была обязана провести первую брачную ночь со жрецом и это считалось абсолютно необходимым для установления законности брака»; что у некоторых бразильских племен «пайе [жрец], подобно феодальному лорду былых времен в некоторых районах Англии, наслаждается *jus primæ noctis*» (см. прим. 2); или, опять же, когда нам напоминают о том, в какой степени у народов Востока проституция в храмах была религиозным обычаем, — нам демонстрируется еще раз и другим образом, что между жреческим наставничеством и правильным поведением нет никакой необходимой связи (слово «правильное» используется здесь в том смысле, в каком мы сегодня его понимаем).

Теперь, сделав все необходимые оговорки, зададимся вопросом, каким образом церковные институты воздействовали на человеческие природы. Мы обнаружим, что они способствовали созданию или закреплению некоторых чрезвычайно важных модификаций.

§ 647. Описывая действие «Церковной системы как социальной связи», мы указывали, что общий культ ведет к объединению разных групп, которые его отправляют, и что вследствие этого жрецы такого культа обычно служат примирителями. Нередко подстегивая войны с обществами, отличными по крови и поклоняющимися другим богам, они держат под контролем враждебные чувства между группами, имеющими одну кровь и почитающими одних богов, тем самым способствуя общественной кооперации и развитию.

Эта функция, между тем, является всего лишь косвенным выражением их фундаментальной функции — функции поддержания подчинения: прежде всего обоженному прародителю или приемному богу, и во вторую очередь — его живому потомку или назначенному наместнику. Вряд ли возможно подчеркнуть в достаточной мере ту истину, что от ранних стадий и до нынешних единственной единообразной и действительно существенной функцией жречества — независимо от времени, места и вероисповедания — была функция насаждения повиновения. Чтобы примитивные люди могли быть подогнаны друг к другу в форме, пригодной для социальной жизни, они должны быть объединены; а чтобы они могли быть объединены, они должны быть подчинены власти (authority). Только ограничения самых могущественных типов можно принудить неуправляемого взрывного дикаря к постоянному сотрудничеству с соплеменниками; и сильнейшим из таких ограничений — к тому же, по всей видимости, необходимым — является страх перед возмездием со стороны племенного бога в случае неповиновения его приказанием, воспроизводимым его наследником. Насколько важна помощь церковных институтов в упрочении политических институтов, хорошо видно из следующего описания, в котором Эллис говорит о последствиях, вызванных подрывом локальных религий в Полинезии.

«Приношение идолам человеческих жертв было одним из самых мощных механизмов в руках правительства; запросы на них всегда исходили от правителя, к коему обращались жрецы, когда боги начинали их требовать. Король, стало быть, отправлял своего вестника к мелкому вождю, и тот выбирал жертв. Обычно для этой цели отбирали индивида, проявившего хоть сколько-нибудь заметную неприязнь к правительству или навлекшего на себя недовольство короля и вождей. Люди это знали, а потому проявляли беспрекословное подчинение. С ниспровержением идолопоклонства этот мотив перестал действовать и многие, освободившись от навязываемого им ранее ограничения, видимо, отказались от всякого законного подчинения и законной поддержки».

Результат, описываемый Эллисом, состоял в том, что социальный порядок был в значительной мере разрушен.

Подчинение, коему способствовала церковная система, косвенным образом содействовало и другим незаменимым видам дисциплины. Никакая развитая социальная жизнь не была бы возможна при отсутствии способности к постоянному труду; из праздного недалекого дикаря никогда бы не получилось трудолюбивого гражданина без долгого и жесткого принуждения. Религиозная санкция, обычно даваемая в ранних обществах жестким классовым различиям и сопутствующему рабству,

должна считаться источником той модификации природы, которая продвигала цивилизацию.

Схожей по типу, хотя и отличной дисциплиной, которой церковные институты подчинили высшие и низшие классы, была дисциплина аскетизма. Если рассматривать аскетизм абстрактно, он несостоятелен. Как уже было показано (§§ 140 и 620), он вырос из желания умиловить злых духов и дьявольских божеств; и даже в том виде, в каком он выражен сегодня у нас, мы можем уловить в нем скрытую веру в то, что Богу приятны добровольно принимаемые умерщвления плоти и неприятно стремление к удовольствиям. Но если взглянуть на добровольное принятие страданий, телесных и душевных, не с точки зрения абсолютной этики, а с точки зрения этики относительной, как на воспитательный режим, то мы увидим, что в нем была польза и, может быть, даже очень большая польза. Общей чертой всех аскетических актов является подчинение страданиям с целью избежать в будущем еще больших страданий или отказ от удовольствия с целью получить потом еще большее удовольствие. В любом случае имеет место жертвование ближним ради далекого. Это жертва, которую нецивилизованный человек принести не в состоянии, которую низший среди цивилизованных способен принести лишь в незначительной степени и на которую в надлежащей мере способен только лучший из цивилизованных. Отсюда можно заключить, что дисциплина, начавшаяся с отказа от пищи, одежды и т.д. в пользу духа предка и переросшая затем в добровольное терпение голода, холода и боли ради умиловления божеств, колоссально помогла в развитии способности откладывать настоящее на будущее. И, может быть, только такой могущественный мотив, как страх перед сверхъестественным, мог закрепить в людях привычку отказывать себе в чем-то в требуемой степени, привычку, которая (мы должны это помнить) является существенным фактором правильного поведения по отношению к другим, а также регуляции поведения, необходимой для получения собственной выгоды.

Таким образом, вне зависимости от конкретных особенностей культа церковные институты играли важную роль в придании человеческой природе формы, пригодной для социального состояния.

§ 648. Среди более специальных моральных следствий, вызываемых ими, можно назвать одно, которое, как и только что охарактеризованные, было вызвано скорее случайно, чем целенаправленно. Я говорю об уважении к праву собственности, курьезным образом выпестованному некоторыми формами умиловления. Независимо от того, прав или не прав был Маринер, говоря, что слово *табу*, употребляемое на островах Тонга, буквально означает «священное, или освященное богом», дело фактически обстоит так, что вещи, которые там и в других местах табуировались, были вначале вещами, подобным образом освященными: в итоге, пренебрежение табу стало кражей у бога. Во всей Полинезии «запреты и требования табу строго проводились в жизнь, и каждое их нарушение каралось смертью» (нарушителя приносили в жертву богу, чье табу он нарушил). А в Новой Зеландии «нарушителей тапу (*тапу*) наказывали и боги, и люди. Первые насылали болезнь и смерть; последние наказывали смертью, лишением имущества и выдворением из общества. Именно смертельный страх перед богами, больший, чем перед людьми, поддерживал тапу».

Ясно, что священность, придаваемую таким образом всему, что несло на себе знак принадлежности богу, легко симулировать. Хотя клеймо, оставляемое на животном или плодах, предполагает, что все это когда-то будет принесено богу, время

жертвоприношения не уточняется, результатом становится возможность неопределенно долгой отсрочки, и это постепенно открывает дорогу притворному посвящению вещей, которые так никогда и не приносятся в жертву, — вещей, которые тем не менее несут на себе знак посвящения и которые никто не осмеливается трогать. Так, мы читаем, что на Новых Гебридах «тапу (tapu) используется на всех островах для охраны людей и предметов», что в Новой Зеландии тапу, будучи первоначально вещью, которую сделали священной, стало означать вещь запретную. Фиджи, Тонга и Самоа предоставляют родственные факты: последнее место является единственным, где название «табу» указывает на своего рода проклятье, которое, как надеется владелец табуированной вещи, падет на вора. На Тиморе «несколько пальмовых листьев, выставленных неподалеку от сада в качестве знака “помали” [табу], будут защищать приносимые ими плоды от воров так же эффективно, как у нас угрожающие уведомления о расставленных ловушках, пружинные ружья или злая собака». Бастиян рассказывает, что конголезцы используют фетиш для охраны своих домов от воров; и такое же утверждение он высказывает относительно негров Габона. Ливингстон также описывает, что балонда обладают этим обычаем; родственные свидетельства дают малагасийцы и санталы.

Поскольку изначально это посвящение чего-либо богу совершается либо жрецом, либо вождем в его жреческом качестве, то мы должны классифицировать его как церковный институт; а воспитание уважения к правам собственности, из него вырастающее, надлежит отнести к числу благотворных дисциплин, которые даются нам церковными институтами.

§ 649. Относительно связи, существующей между предполагаемыми сверхъестественными повелениями и правом, регулирующим поведение в целом, трудно делать обобщения. Многие факты, приведенные в предыдущих главах, едины в демонстрации того, что все зависит от предполагаемого характера умиловливаемого сверхъестественного существа. Скулкрафт говорит о дакотах:

«Они пребывают в великом страхе перед духами мертвых, потому что считают, что духи умерших в состоянии причинить им любой ущерб, какой захотят; это суеверие имеет в какой-то мере благотворный эффект. На них оно действует так же сильно, как на нас законы, грозящие повешением за убийство».

Но если, как часто оказывается, умирающий отдает своему сыну (как Давид Соломону) властное повеление отомстить его обидчикам, то страх перед его призраком становится не морализующим, а деморализующим влиянием, если использовать эти слова в их принятых ныне значениях. Когда мы читаем о божествах Мангайи, что «жестокий Керетеки, дважды повинный в братоубийстве, и его брат Утахеа стали в следующем поколении почитаться как боги», мы понимаем, что божественный пример, даже если не является предписанием, в некоторых случаях потворствует преступлению, а не наоборот. Однако в среднем можно вывести противоположный эффект. Поскольку, как должно предполагаться, обожевленный вождь лелеял в сердце мечту о выживании и распространении своего племени, бесчисленные его повеления скорее всего должны были иметь в виду то поддержание порядка, которое ведет к племенному успеху. Поэтому правила, традиционно идущие от него, обычно являются ограничениями на внутренние агрессии. Как бы ни были жестоки мексиканцы и как бы ни были кровавы их религиозные обряды, у них, тем не менее, был, по утверждению Цуриды, моральный кодекс, ни в чем не уступающий христианско-

му: и тот и другой претендовали на божественный авторитет. О перуанцах, которые, как и многие другие полудивилизованные американские народы, имели исповедников, пишут следующее:

«Грехами, в которых они чаще всего себя обвиняли, были убийство в мирное время, кража, прелюбодеяние с чужой женой, использование трав или заклинаний для причинения вреда. Самым примечательным грехом было пренебрежение к поклонению *уакам* [богам]... оскорбление Инки и неповиновение ему».

В этом случае, как и во многих других, мы видим, что после первого и величайшего греха неповиновения божеству идут грехи, определяемые нарушением законов поведения, необходимых для социального согласия.

Ясно, что на протяжении долгих этапов индивидуальной и социальной эволюции вера в предполагаемое божественное происхождение таких законов благотворна. Ожидаемые сверхъестественные кары за их нарушение полезным образом подкрепляют угрозы естественных наказаний. И можно привести самые разные примеры, показывающие, что моральный кодекс, требуемый для каждой более высокой стадии, обретая через посредство жреца или одухотворенного человека предполагаемый божественный авторитет, становится, тем самым, для своего времени более действенным, чем он был бы в противном случае: примерами служат Моисей и позднейшие еврейские пророки.

§ 650. Вместе с тем имеют место многочисленные аномалии, и они кажутся необъяснимыми до тех пор, пока мы не признаем истину, что во всех случаях особым повелениям культа предшествует по значимости сохранение самого культа и институтов, его воплощающих. Отсюда тот факт, что везде выше обязанностей, которые мы собственно называем моральными, стоит долг подчинения мнимой божественной воле, какой бы она ни была. Поэтому поддержание авторитета жреческой иерархии, через которую предположительно оглашается божественная воля, считается ее членами и приверженцами целью, уступающей по значимости только признанию самой божественной воли. Кроме того, истории церковных институтов показывают нам, как мало оказывается уважения моральным предписаниям, когда они встают на пути верховенства церкви.

Тут, конечно, сразу приходят на ум иллюстрации зверств инквизиций и преступлений, совершенные папами, хотя есть и другие, даже еще более примечательные. Жесточайшая враждебность, проявляемая установленными церквями в отношении отколовшихся сект, выказывалась как раз против тех, кого отличали упорные попытки осуществить до конца предписания христианства. Вальденсы, которые «приняли за образец своей нравственной дисциплины Нагорную проповедь Христа», но взбунтовались против господства церкви, три века подвергались жесточайшим гонениям. Квакеры, единственные среди протестантов пытавшиеся подчинить свою жизнь требованиям христианского кредо не частично, а полностью, преследовались столь сурово, что ко времени восшествия на престол Якова II более полутора тысяч из сравнительно небольшого их числа томилась в тюрьмах. Отсюда очевидно, что отличительная этика веры почти никак не ограничивает ее официальных чинов, когда ставится под вопрос их власть.

Однако в таких случаях мы видим не только то, что главная забота жреческой системы — поддержание формальной покорности божеству, а также ей самой как его посреднику, а упорядочение жизни в согласии с предписаниями исповедуемой ре-

лигии — дело совершенно второстепенное. Мы видим также и то, что на таком праве, упорядочивающем жизнь, редко настаивают даже тогда, когда это настаивание не противоречит церковному верховенству. На протяжении столетий христианские священники настолько мало подчеркивали добродетель прощения, что как в войнах, так и в дуэлях месть продолжала мыслиться как императивный долг. Представители духовенства не были людьми, требовавшими отмены рабства, не были людьми, осуждавшими законодательные установления, повышавшие цены на хлеб ради сохранения существующей ренты. Служители религии не подвергают коллективному осуждению несправедливые агрессии, которые мы постоянно совершаем против слабых обществ; они не поднимают во всеуслышание свой голос, чтобы осудить зверства при перевозке рабочей силы в Тихом океане, разоблаченные недавно Королевской комиссией (см. «*Таймс*», 18 июня 1885 г.). Даже в случаях, когда вся ответственность лежит на них, мы видим не высший, скорее даже низший стандарт справедливости и милосердия, чем в сообществе в целом. Под церковным управлением школы стали в прошлом ареной таких жестокостей, каких никто не потерпит в мире за их пределами; и если нам понадобится найти какой-нибудь свежий пример подростковой дикости, то мы найдем его в Королевском колледже, где ничем не спровоцированные побои, совершенные из чистой жестокости группой трусливых великовозрастных балбесов, стали причиной смерти маленького мальчика: но ведь Королевский колледж — это учреждение, основанное и контролируемое церковниками, в отличие от Университетского колледжа, в котором имеют место нерелигиозное управление и светское преподавание.

§ 651. Рассматривая церковные институты вообще, в отдельности от тех особых культов, которые с ними связаны, мы вынуждены признать, что их присутствие во всех обществах, достигших значительного прогресса, и явное господство в ранних обществах, достигших сравнительно высоких ступеней цивилизации, индуктивно подтверждают дедуктивный вывод, что они от рождения и до настоящего времени были незаменимыми компонентами социальных структур: группы, в которых они не появились, не могли развиваться.

Сохраняя умилоствление духа умершего правителя и, следовательно, сдерживая тенденции к принципу сплочения, жречества способствовали социальному росту и развитию. Они делали это одновременно и множеством других способов: воспитывая дух консерватизма, поддерживающий его преобладание в социальных порядках; формируя дополнительную регулятивную систему, действующую сообща с политической; настаивая на повиновении, прежде всего богам и во вторую очередь королям; морально поддерживая принуждение, коим воспитывалась способность к прилежанию; и закаляя привычку к самоограничению.

Будут ли модификации природы, производимые этой дисциплиной и общие для всех вероисповеданий, сопровождаться модификациями высших типов, зависит отчасти от традиционных описаний почитаемых богов, отчасти от социальных условий. Религиозное повиновение является первоочередным долгом; и на ранних стадиях это часто способствует возрастанию жестокости. С переходом от преимущественно военного к промышленному состоянию появляется реформированная этическая доктрина, влияние которой возрастает или понижается в зависимости от того, продолжают ли социальные деятельности оставаться мирными или опять становятся воинственными. Как бы мало ни действовала реформированная этическая докт-

рина (принимаемая в настоящее время как имеющая божественное происхождение) в периоды, когда война пестует вместо дружеских чувств враждебные, обретается все-таки то преимущество, что она есть в резерве и при благоприятных условиях может быть оглашена.

Но церковное ее провозглашение обычно продолжает подчиняться кажущимся нуждам времени. Вплоть до последнего времени мы видим все то же настоятельное требование подчинения, религиозного и гражданского: «Бойся Бога, чти короля». И при условии, что подчинение выражено достаточно сильно, моральные недостатки могут прощаться.

Глава XV. Прошлое и будущее церковных институтов

§ 652. Среди социальных явлений те, которые представлены церковными институтами, со всей ясностью иллюстрируют общий закон эволюции.

Подчинение главе семьи, имеющее место, пока он жив, продолжает демонстрироваться и после его смерти в виде приношения его двойнику вещей, которые ему нравились, и выполнения его пожеланий; а когда семья, численно возрастая, превращается в племя, подарки вождю, сопровождаемые похвалами и просьбами, продолжают приноситься после его смерти в форме приношений, восхвалений и молитв его призрак. Иначе говоря, домашнее, гражданское и религиозное подчинение имеет общие корни и поначалу осуществляется схожим образом одними и теми же исполнителями.

Однако довольно рано начинается дифференциация. Первым делом возникает некоторый контраст между частным культом, присущим каждой семье, и публичным, присущим семье вождя; и вождь, выступающий как умиловитель своего умершего предка от имени племени и от своего имени, соединяет в себе функции гражданского главы и главы духовного. Развитие племени, приносящее рост политических и военных функций, все более обязывает вождя делегировать — как правило, родственнику — свою жреческую функцию; тем самым она с течением времени обретает своего отдельного исполнителя.

Следствием интеграции обществ, вызванной завоеванием, становится сосуществование разных культов в разных частях одного и того же общества; и вместе с тем появляются уполномоченные жрецы, отправляющие в разных местностях наиболее важные из этих культов. Отсюда политеистические жречества, которые делаются внутренне неоднородными в силу возвышения одних культов над другими. В ряде случаев в конце концов оказывается, что один из них разрастается настолько, что почти или совершенно исключает все остальные.

В то время как вместе с объединением простых обществ в сложные, а последних, в свою очередь, во вдвойне сложные происходит рост жречеств, каждое из которых, дифференцируясь от других, дифференцируется также и внутри. Оно превращается в организованное целое, подчиненное верховному жрецу и состоящее из членов, ранжированных по чину и специализирующихся на своих особых функциях.

По мере того как церковная иерархия становится внутри себя более тесно интегрированной и отчетливо дифференцированной, она утрачивает общность структуры и функции, которую имела первоначально с другими частями политического тела. Еще долго после того, как жрец выделится как таковой, он принимает активное участие в войне, прямое и косвенное; но там, где достигает высокой степени социальное

развитие, военный характер, который он имел, почти или полностью теряется. Схожим образом обстоит дело с его гражданскими функциями. Если на ранних стадиях развития он осуществлял власть как правитель, министр, советник, судья, то постепенно он теряет эту власть, пока, наконец, от нее не останутся лишь бледные следы.

Это развитие церковных институтов, которое, делая общество в целом более гетерогенным, демонстрирует возрастание гетерогенности и внутри самой церковной организации, усложняется последовательным добавлением сект. Возрастая и организуясь каждая по отдельности, эти секты делают более многообразными по форме институты осуществления религиозных богослужений и религиозного контроля.

Конечно, постоянные конфликты между обществами, завершающиеся то образованием союзов, то смутой и хаосом, то разрушающие старые институты, то взгромождающие на них новые, делали прогресс церковных институтов нерегулярным. Но среди всех этих пертурбаций можно в существенных чертах проследить тот курс, который был выше указан.

§ 653. Со структурными дифференциациями неразрывно связана и функциональная дифференциация, имеющая глубокую значимость. Медленно разделялись две жреческие обязанности, первоначально бывшие частями одной и той же; и одна из них, поначалу не вполне заметная, но теперь вполне явная, стала в значительной мере независимой. Изначальным долгом является осуществление культа; производный долг — насаждение правил поведения.

Начинаясь с умилоствления умершего предка или вождя и завися, подобно актам умилоствления, от желаний призрака, предположительно схожих с желаниями живого человека, поклонение в его примитивной форме, нацеленное на заполучение благосклонности существ, во многих случаях жестоких, часто характеризуется жестокими обрядами. Сначала в нем вообще нет нравственного элемента; и отсюда тот факт, что крайнее внимание к религиозным обрядам характеризует скорее низшие типы людей и обществ, чем высшие. Ренуф замечает, что «египтяне принадлежали к числу наиболее набожных древних народов. Религия преобладала в той или иной форме в каждом аспекте их жизни». Или, как говорит М. Мори, «l'Égyptien ne vivait en réalité que pour pratiquer son culte» (см. прим. 3). Последнее утверждение напоминает нам о древних перуанцах. Жертвоприношения предкам и божествам, производным от предков, были столь тягостны, что мы не погрешим против истины, сказав, что живые были у них рабами мертвых. То же можно сказать о кровожадных мексиканцах, чья цивилизация в какой-то мере была основана на каннибализме. Отмечают, что «из всех народов, сотворенных Богом, этот ревностнее всего блюдет свою религию». Ту же особенность, связанную с ранними и затянувшимися стадиями, мы находим у арийских народов.

«Веды представляют древних индоарийцев чрезвычайно набожными во всех их поступках. Согласно Ведам, каждое жизненное действие должно сопровождаться произнесением одной или нескольких мантр, и никто не может ни встать с постели, ни умыться, ни почистить зубы, ни выпить стакан воды, не пройдя через регулярную систему очищений, приветствий и молитв».

Так же и у римлян. «Религия всюду вторгалась в общественную жизнь римлянина своими праздниками и такое же ярмо надевала на его частную жизнь требованием жертвоприношений, молитв и гаданий». Говоря об одном ныне живущем индусе, преподобный М.А. Шерринг пишет:

«Он — существо до кончиков ногтей религиозное, удивительно честное и последовательное. Его любовь к поклонению — это страсть, исступление, всепоглощающий огонь. Она пропитывает все его мысли; она влияет на его мнение по каждому предмету и господствует над ним».

И всюду мы находим аналогичные связи, будь то у древнего фракийца, с великим ожесточением присоединявшегося к «экстатическим, доводящим до безумия религиозным обрядам», или у сегодняшнего мусульманина с его непрерывными ежедневными молитвами и омовениями. Даже если сравнить современных европейцев с европейцами средних веков, когда в привычке были посты и покаяния, когда было большое число анахоретов и не были редкостью самоистязания, когда люди совершали паломничества, строили храмы и вычитывали на четках свои бесчисленные молитвы, мы видим, что с социальным прогрессом пришло заметное затухание религиозных обрядов. Сведения, даваемые многочисленными народами и эпохами, показывают нам, таким образом, что элемент умилоствления, являющийся первичным элементом, с развитием цивилизации ослабевает и начинает определяться растущим этическим элементом, который, как и все прочие элементы религии, является по своему происхождению и своей природе умилоствительным. Он берет начало в исполнении желаний или велений умершего родителя, покойного вождя или традиционного бога. Сначала в этический элемент не вкладывают ничего, кроме обязанности послушания. Проявление подчинения в этом, как и во всех других религиозных актах, — вещь первичная; природы конкретных повелений, которым следует повиноваться, вторичны: накладываемые ими обязательства рассматриваются не как внутренне им присущие, а как внешне производные от их предполагаемого источника. Но мало-помалу опыт устанавливает этические понятия, вокруг которых группируются частные чувства и публичные мнения, придающие им некоторую самостоятельную власть. И когда общество становится менее занято военной деятельностью и начинает больше заниматься мирным производством и распределением, в общем сознании вырастают со всей ясностью правила поведения, которые должны соблюдаться, чтобы сделать гармоничной промышленную кооперацию.

Со временем достигается сверхъестественное обоснование для предполагаемого сообщения их свыше одухотворенному человеку; и на протяжении долгого времени утверждается подчинение им на том основании, что это повеления Бога. Подчеркивание моральных предписаний, считающихся таким образом возникшими, начинает, меж тем, занимать все больше места в религиозных службах. К приношениям, хвалам и молитвам, составляющим непосредственно умилоствительную часть, присоединяются наставления и проповеди, образующие косвенно умилоствительную часть, состоящую в значительной мере из этических предписаний и призывов. И модифицированная человеческая природа, создаваемая долгой социальной дисциплиной, развивает в конце концов концепцию независимой этики — этики настолько независимой, что она начинает обретать свои основания, отличные от прежде предполагавшихся теологических оснований. Но происходит не только это. Авторитет этического сознания становится столь высок, что теологические догмы подчиняются его суждениям и даже во многих случаях отвергаются в силу его неодобрения. Способ, с помощью которого развитое моральное чувство привело к отрицанию принятых верований в отношении богов и их деяний, иллюстрирует у греков фигура Сократа; и в наши дни мы часто видим, как религиозные доктрины наталкиваются на барьер сознания и

осуждаются как неистинные, поскольку приписывают божеству, требующему поклонения, качества, отвратительные для верующих. Более того, когда мы это видим — видя вместе с тем, что в повседневной жизни критическая оценка поведения одобряет или осуждает его как само по себе хорошее или плохое, независимо от предполагаемых повелений, — мы видим также и то, что современное проповедничество все более стремится приобрести этический характер. Догматическая теология с ее обещаниями наград и угрозами проклятий все более падает в удельном весе по сравнению с требованиями справедливости, честности, доброты, искренности и т.д.

§ 654. Допустив — а мы должны это сделать, — что эволюция будет продолжаться в тех же общих направлениях, давайте теперь, после того как мы бросили взгляд назад, спросим: «А каковы же перспективы?» Хотя в высших обществах церковные институты занимают менее важные места, чем в низших, мы не должны отсюда заключать, что в дальнейшем они совсем исчезнут. Если в будущем останутся функции, которые должны выполняться хоть сколько-нибудь аналогично их сегодняшним функциям, то мы должны сделать вывод, что они в той или иной форме сохранятся. Главный вопрос: в какой форме?

Можно ожидать, что отделение церковных институтов от политических — которое предвосхищается в простых обществах, когда гражданский правитель начинает от случая к случаю делегировать кому-то жреческую функцию, и которое общества множеством способов и с многочисленными модификациями, соответствующими их типам, все более демонстрируют по ходу своего развития, — полностью завершится. И в самом деле, в наши дни, даже если не ссылаться на доводы, приведенные выше, завершение его в каких-то случаях уже достигнуто, в других — признается лишь вопросом времени. Здесь нужно только отметить, что разделение есть завершение процесса эволюции, частично достигаемое в обществах более военного типа, характеризующихся преобладанием структур, поддерживающих подчинение, и достигаемое в большей степени в обществах, ставших по типу более промышленными и менее принудительными в своих регулятивных приспособлениях.

Можно ожидать, что будут и дальше сохранять свою действенность те же эмоциональные и умственные модификации, которые, вызвав уменьшение могущества государств-церквей, вызвали в то же время умножение церквей, независимых от государства. Можно ждать увеличения числа религиозных групп, имеющих свои особые отличия в вере и практике. Хотя рука об руку с интеллектуальным прогрессом в большинстве возникающих таким образом сект может, вероятно, идти приближение к единству веры в основных вопросах, все же аналогия подталкивает к мысли, что оттенки различия вместо того, чтобы исчезнуть, будут становиться все более многочисленными. Расхождения во мнениях, подобные тем, которые имели место в установленной церкви в нашем поколении, могут ожидать во всех уже существующих религиозных группах и в тех, которым только предстоит возникнуть.

Одновременно, вероятно, продолжатся в том же направлении, что и до сих пор, изменения в церковном управлении. Воспитание индивидуальности, которым сопровождается развитие промышленного типа общества, должно вызвать во всех религиозных организациях повышение местной независимости. И вместе с обретением каждой религиозной группой полной автономии, скорее всего, произойдет полная утрата священства всяким, кто играет роль священника. То ослабление жреческого авторитета, которое уже так далеко зашло у раскольников, станет окончательным.

Эти выводы, между тем, держатся на допущении, что развитие промышленного типа будет идти вперед так же, как шло до сих пор; однако вполне возможно и даже вероятно, что в эпоху, в которую мы вступаем, это условие не будет выполнено. Возрождение военщины, если оно и дальше будет продолжаться, как продолжалось в последнее время, будет возвращать идеи, чувства и институты, ей соответствующие; в данном случае речь идет об обращении вспять описанных изменений. Либо, если вместо дальнейшего прогресса в условиях той системы добровольной кооперации, которая создает в подлинном смысле Индустриализм, будет укрепляться система производства и распределения под контролем государства, устанавливающая новую форму принудительной кооперации и находящая завершение в новом типе насильственного правления, то указанные изменения, определенные индивидуальностью характера, по всей видимости, прекратятся и уступят место противоположным.

§ 655. Если оставить структуры и обратиться к функциям, то остается лишь спросить: какие функции скорее всего останутся, если исходить из того, что происшедшая до сих пор эволюция не обратится вспять? Можно ожидать, что каждая из двух описанных функций сохранится в измененной форме.

Хотя с переходом от догматического теизма к агностицизму можно ждать исчезновения всех обрядов, предполагающих мысль об умилощении, все же отсюда не следует, что пропадут все обряды, стремящиеся поддерживать сознание связи, в которой мы находимся с Неведомой Причиной, и стремящиеся дать внешнее выражение чувству, сопровождающему такое сознание. Останется потребность в смягчении той слишком прозаичной и материальной формы жизни, которая вытекает обычно из погружения в повседневную работу, и всегда будет сфера приложения сил для тех, кто способен впечатлить слушателей должным ощущением Тайны, в которой сокрыты происхождение и смысл Мира. Можно также предвидеть, что музыкальное выражение чувств, сопровождающих это ощущение, не только сохранится, но и получит дальнейшее развитие. Уже протестантская храмовая музыка, более безличная, чем любая другая, вполне служит выражению чувств, предполагаемых мыслью о мимолетности жизни, как индивидуальной, так и родовой, жизни, которая есть лишь бесконечно незначительный продукт Силы, не имеющей никаких границ, которые мы могли бы найти или представить. В дальнейшем такая музыка может выразить эти чувства еще лучше.

В то же время настаивание на долге, занимавшее все больше места в религиозных богослужениях, приобретет, как мы можем ожидать, отчетливое преобладание и еще более широкий размах. Руководство жизнью, элементы которого уже стали содержанием проповедей, может, вероятно, стать отныне их содержанием в полном объеме. Идеи правильного и неправильного, считаемые ныне применимыми только к действиям определенного рода, будут считаться применимыми к действиям любого рода. Ими будут охвачены все вопросы, касающиеся индивидуального и социального благополучия; а главной функцией того, кто занимает место священника, будет не столько подчеркивание уже принятых предписаний, сколько развитие суждений и чувств человека в связи с наиболее трудными вопросами поведения, вытекающими из все возрастающей сложности социальной жизни.

Короче говоря, можно сказать, что, поскольку должны сохраняться наши отношения с невидимым и наши отношения друг с другом, не кажется невероятным, что сохранятся и какие-то представители тех, кто в прошлом ведал обрядами и учения-

ми, касающимися этих двух отношений; но такие представители могут стать непохожими на свой жреческий прототип.

Примечания

1. Это разделение имело место в англиканской церкви. — *Прим. перев.*
2. Право первой ночи (*лат.*) — *Прим. перев.*
3. «Египтянин не жил в реальности, чтобы практиковать свой культ» (*фр.*) — *Прим. перев.*

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Окончание следует

А. ИРВИНГ ХАЛЛОУЭЛЛ*

Я И ЕГО ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ СРЕДА**

Аннотация: Автор исходит из того, что самосознание — родовая черта человека, и рассматривает следствия этого для кросс-культурных исследований человеческого поведения. Опираясь на прагматистские основания, прежде всего на идеи Дж.Г. Миды, он рассматривает комплексные взаимосвязи Я с его поведенческой средой. В этой части статьи автор дает краткий обзор исследований Я в науках о человеке, определяет базовую терминологию, а также общие допущения и гипотезы, составляющие схему соотнесения для исследований в этой области. В частности, дается определение понятия поведенческой среды человека.

Abstract: The author assumes that self-awareness or self-consciousness is a generic human trait and considers the implications of this fact for cross-cultural studies of human behavior. Based on Pragmatist presuppositions, especially on G.H. Mead's ideas, he analyses complex relationships between the self and its behavioral environment. In this part of the paper the author gives a short review of the self studies in human sciences, and defines the basic terminology and general assumptions and hypotheses forming a frame of reference for the investigations in this field. In particular, the author gives a definition of the concept of human behavioral environment.

Ключевые слова: Я, опыт, самосознание, культурно конституированная поведенческая среда, кросс-культурная перспектива.

Keywords: self, experience, self-awareness, culturally constituted behavioral environment, cross-cultural perspective.

Николаев Владимир Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент социологического факультета НИУ «Высшая школа экономики» (Москва). Наш постоянный автор и переводчик. E-mail: vnik1968@yandex.ru.

---

* Перевод публикуется в редакции переводчика.

** Глава 4 книги А.И. Халлоуэлла «Культура и опыт».

Перевод выполнен по изданию: Hallowell A.I. *Culture and Experience*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1955. P. 75-110, 385-395. Впервые глава опубликована как первая часть статьи «Я и его поведенческая среда» в: *Explorations*. Vol. II. April, 1954.